

ОЛЬГА БАТЛЕР

ТРИНЖЕТ

Сказочная повесть

Шкатулка сказок

Ольга Батлер

Тринкет

«СИМВОЛИК»

2016

Батлер О. В.

Тринкет / О. В. Батлер — «Символик», 2016 — (Шкатулка сказок)

ISBN 978-5-906-549-40-2

Совершив кражу из «Лавки Древностей», Джордж попадает в волшебную, но очень неприятную историю – за украденной им шкатулкой охотятся некие подозрительные личности, и, что ещё хуже, вдруг оживает сидящий на шкатулке человечек. Хотя этот человечек и предлагает мальчику интересную игру, призом в которой будет сокровище, слова его звучат зловеще. Как поступить, если тебе всего одиннадцать лет, отец твой добр, но небогат, и ты злишься на него, а заодно и на судьбу, не сделавшую тебя сыном миллионера или короля? «Тринкет» – это традиционная и вместе с тем неповторимая, добрая сказка, в которой всё заканчивается хорошо, и в которой зло обязательно бывает наказано. Это история о том, как трудно быть принцессами и волшебниками, что эта ноша не каждому по плечу. О том, какие ужасные последствия могут быть, если ты начинаешь испытывать большие претензии... к собственным родителям. О том, куда может завести кажущаяся такой невинной мечта о богатстве, власти и славе. За эту книгу автор получила почётный диплом 2-го международного конкурса детской и юношеской литературы имени Алексея Николаевича Толстого.

ISBN 978-5-906-549-40-2

© Батлер О. В., 2016

© Символик, 2016

Содержание

Пролог. Бабушкина сказка	7
Глава первая. Счастливое семейство Скидморов	12
Глава вторая. Кража из «Лавки Древностей»	15
Глава третья. Странный посетитель	18
Глава четвёртая. Фарфоровый человечек разговаривает с Джорджем	22
Глава пятая. День рождения	25
Глава шестая. Переполох из-за фокусов	30
Глава седьмая. Шлагбаум в комнате	36
Глава восьмая. Разбойники и фрау Кемпке	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ольга Батлер

Тринкет

Тринкет – безделушка, пустяк, дешёвое украшение.
Происхождение слова неизвестно.
Краткий Оксфордский словарь современного английского языка.

Пролог. Бабушкина сказка

– Обманщик! Обманщик!

Стены комнаты были оклеены тёмно-вишнёвыми полосатыми обоями. В клетке раскачивался серый попугай жако. Это он только что кричал. А на дубовом комодe стоял портрет молодой смеющейся девушки. Неужели такой была когда-то бабушка? Брат с сестрой пристроились на ковре у камина, обхватив колени руками, а бабушка Азалия опустилась в глубокое кресло.

– Ну, начнём!

– А как королевство-то называлось? – решил уточнить мальчик.

– Королевство?.. Сейчас, сейчас... Тартатен. Да, королевство Тартатен! Что ты смеёшься, Джордж?

– Твой перевёрнутый французский пирог так называется.

– Ничего подобного! Название пирога «Тарт Татен», не путай меня! – Бабушка даже немного рассердилась. – Тебя же не удивляет, что есть страна Чад?!

– А где эта страна?

– В Африке. Но не будем отвлекаться! Так вот...

В Тартатене, конечно же, был королевский замок. Вокруг него люди возвели высокую стену: они хотели защитить своего короля, ведь он был вполне порядочным человеком! И всё-то в его замке было необычно. Лифт сам летал по воздуху, и не только вверх-вниз, но и вправо-влево. Окна были волшебными. Сквозь них можно было увидеть любой пейзаж по заказу. Да и другие вещи имели свои диковинные причуды. Одна Очень Скрипучая Дверь, например, страшно обижалась, если её не благодарили за то, что она сама открывается.

По самым большим королевским праздникам повар готовил жаркое из невиданного зверя, который назывался кукарисом и водился только в местном лесу. Шестеро поварят вносили его в зал на огромном серебряном блюде, и гости дружно ахали, потому что у кукариса была голова с золотым клювом. Клюв, конечно же, сразу после обеда отпиливали и уносили в королевскую сокровищницу. Не пропадать же добру!..

Бабушкино строгое лицо стало мечтательным и грустным одновременно. Она сама словно только что вернулась из загадочного далёкого Тартатена, и у маленькой Брэндy мелькнула мысль, будто бабушка видела все эти чудеса своими глазами.

– А ещё чудесней, дорогие мои, был город, окружавший королевский замок!

Из распахнутых окон слышался нежный звон колокольчиков – ими принято было украшать комнаты. У самого основания высокой башни с курантами журчали водяные часы в виде красавицы с кувшином. В небе летали стаи разноцветных голубей с привязанными к ним лёгкими почтовыми каретами. Ну а в разгар весенней ярмарки с единственного на рыночной площади каштана спускалась по шёлковой нитке удивительная Гусеница. В каждой ножке у неё было зажато по бусине. Она бросала их в толпу, и горожане тут же растаскивали бусины по домам, потому что они навевали вещие сны.

– А что эта Гусеница делала на каштане в остальное время? – спросила Брэнда.

– Одни старики говорили, будто она выращивает бусины внутри плодов каштана – в благодарность за то, что люди сохранили это очень старое дерево. Другие старики утверждали, что это и не Гусеница вовсе, а хитрая дракониха на восьми лапах. Будто бы раз в году она является к людям под личиной Небесной Гусеницы, а из бусин могут вылупиться её дети.

– Сколько бусин она кидает в толпу?

– Давайте посчитаем!.. Ох, я совсем забыла! – вдруг спохватилась бабушка. – Купила на распродаже калькулятор и – жму-жму на кнопки, а он не работает. Брэнда, миленькая, принеси мою сумку из прихожей! Пусть Джордж его посмотрит.

Но когда мальчик покрутил в руках пластмассовую коробочку с кнопками, он громко рассмеялся:

– Ха-ха-ха! Ой, не могу! Ты себе игрушечный калькулятор купила!

– Игрушечный? – Бабушка смущённо порылась в сумке, доставая очечник. – Дай-ка его сюда! Какой же он игрушечный? Вот кнопки, вот экран.

– Да там внутри-то – пус-то-та!

– Теперь понятно, почему он стоил всего пятьдесят пенсов! А я-то думала, что сэкономила!.. – огорчилась бабушка. – Вот так бывает на свете часто: думаешь, что поступаешь мудро и гордишься собой, а на самом деле глупишь, как неопытное дитя!.. Но на чём же я остановилась?

– Восемь ножек, в каждой по бусине... Это можно посчитать и без калькулятора.

– Да, Небесная Гусеница спускалась вниз... Но как же он может быть игрушечным?.. Ох, ну ладно, ладно!.. Конечно, в первую весеннюю ярмарку вокруг каштана происходила давка. Всем страшно хотелось хоть одним глазком увидеть во сне своё будущее. Особенно королю. Толкаться с простолюдинами королевской особе нельзя, поэтому он приказывал слугам ловить бусины и приносить их ему. Но слуги, все как один, были очень неловкими. Тогда однажды король повелел очистить площадь от народа и уселся под каштаном в кресле дожидаться Гусеницу. А она так и не появилась – потому что отличалась своенравием!

В те времена король был ещё нестарым человеком, сильным и смелым, как и положено королю. Но он не имел семьи, а значит, и наследников. Ему надо было жениться. Был даже назначен день свадьбы, разосланы приглашения и придумано меню праздничного обеда. Но король не знал, что ожидает его после свадьбы. И это очень его расстраивало!

– Невеста была красивая? – поинтересовалась девочка.

– Недурна собой. С яркими голубыми глазами и золотыми локонами. И пальчики у неё были нежные, с розовыми ногтями... – Бабушка бросила взгляд на портрет молодой девушки.

– А как она одевалась?

– Брэнда, хватит перебивать! – укорил сестру мальчик.

– Ну почему же, Джордж, это важный вопрос, – заступилась за внуку бабушка. – Она носила длинное платье абрикосового цвета, такой цвет идёт блондинкам. На груди это платье было расшито золотом, и немножко золота блестело на широких длинных рукавах. Так что одевалась она со вкусом.

Король ценил её ум и красоту. И всё-таки он знал, что женится без любви. Поэтому тосковал. И вот в один ярмарочный день он наконец поймал бусину. Вернее, не он её поймал, а она сама прискакала ему под ноги. «Наконец-то увижу своё будущее, – обрадовался король, – и все вопросы отпадут».

Он положил волшебную бусину под свою королевскую подушку, и ему приснилась его собственная свадьба. Но невеста на ней была совсем другая.

Затем в этом сне появился огонь, вырвавшийся из-под земли, и было сказано, что через много лет произойдут большие несчастья. Но это показалось королю делом далёкого будущего, а волновал его лишь завтрашний день.

После этого сна он совсем потерял покой.

«Вы не знаете, что бы это могло значить?» – спрашивал он всех подряд. Хитрые придворные делали сочувственные лица, но соображения по поводу личной жизни монарха держали при себе.

А день свадьбы приближался. У бедного короля даже появилась бессонница... И тут начал сбываться вещий сон. Он встретил другую девушку.

Брэнда уже набрала в грудь воздуха, чтобы задать новый вопрос. Но бабушка сама о нём догадалась и сразу же сказала, что у той девушки были тёмно-каштановые волосы и карие глаза с длинными-предлинными ресницами. Она носила юбку из суровой ткани и стираную-перестираную рубашку. Руки у неё были шершавые от грубой работы, плечи – широкие. В общем, она была кухаркой!

– Кухаркой?! – одновременно воскликнули Джордж и Брэнда.

– Ну да! – хмыкнула бабушка. – На рассвете король бродил по замку, страдая от бессонницы, и столкнулся с кухаркой, когда она тащила воду для утреннего чая служанок. Она так растерялась, что налетела на него и облила с ног до головы. Но быстро пришла в себя – с нервами у неё было всё в порядке. Так что уже через год влюблённый, очарованный король на ней женился!

– Почему же он бросил свою красивую невесту? – возмущённо спросила Брэнда.

– Почему бросил?.. Вот попробуй тут объясни – почему. Брошенная невеста тоже терзала и себя, и всех вокруг этим вопросом. Обе девушки были красивы, но разве дело только во внешности?

– Обе... Доброе утро, Оби!

Все посмотрели на заговорившего попугая.

– Милая птичка, люблю тебя, – ласково продолжил он, потом изобразил скрип двери и половиц под босыми ногами, щелчки открываемых оконных шпингалетов, звук льющейся в таз воды, стук каблучков и лёгкий смех. Это было похоже на магнитофонную запись, на которой девушка погожим утром приводит себя в порядок после сна и ей прислуживают горничные.

– Замолчи, Оби! – велела смущённая бабушка Азалия попугаю.

– Ах, Ваше Величество... – Жако наклонил голову, нервно раскачиваясь из стороны в сторону. – Лицевая, изнаночная, лицевая, изнаночная, – заворчал он по-старушечьи, почистил лапкой клюв, растопырил крылья и вдруг изо всех сил заорал: – Обманщик!

– Ему на самом деле семьдесят лет? – спросил мальчик.

Бабушка утвердительно кивнула.

– И все эти годы он живёт у тебя?

Она пожевала сухими губами и строго спросила:

– Вы будете сказку слушать или нет?

– Конечно, будем!

– Ну так вот... Отвергнутая красавица оставила придворную жизнь и скрылась неизвестно куда. Про неё скоро забыли. Но ей не давала покоя обида, что её бросили ради какой-то кухарки! И она замыслила месть. Однажды она прислала королю подарок, такую славненькую тринкет-шкатулку с забавным человечком на крышке. А внутри было письмо с проклятием. Бывшая невеста прокляла не только короля, но и всё его королевство. Вот такие бывают обиды – неизгладимые!

– Ну и глупая она была! – вырвалось у Брэнд.

Бабушка Азалия задумчиво посмотрела на внучку:

– Почему?

– Да потому что злая! Я такой ни за что бы стать не хотела!

– Я бы тоже, – поддержал сестру Джордж. – Король небось и не подозревал, что его ждёт? И прочитал письмо? И самозаколдовался?

– Ну да, – почему-то снова смутилась бабушка. – Подарок ему очень понравился. Он стал все дни проводить с этой занятой вещицей. Игрушечный человечек по его приказу

спрыгивал со своего кресла на шкатулке, дёргал под музыку ножками и ручками, маршировал и приговаривал:

*Вилли-нилли никки-нэк,
Я из глины человек.
Правой!левой! Правой!левой!
Стала пешка королевой.
Шаг вперёд и три назад,
Всем вам будет шах и мат! —*

а потом садился обратно на шкатулку.

Со временем танец усложнился, человечек начал безо всяких приказов слезать со шкатулки, расхаживать по комнате, командовать и даже покрикивать на короля. Тот не обижался: игрушка стала смыслом его жизни, заставив позабыть и про государственные дела, и про семью. В этом и состояла суть проклятия. Поэтому, когда его молодая жена умерла от горя, он не сильно переживал.

— А первая невеста? Обрадовалась?

— Наоборот, испугалась. — Бабушка горько вздохнула. — Сперва она поняла, что совершила неразумный поступок, отправив посылкой зло человеку, которого любила. А потом догадалась, что зло может вернуться к ней самой. Ведь она была его хозяйкой с тех пор, как заплатила за него золотом какому-то проходимцу в подворотне. Чтобы остановить действие проклятия, она бежала в одну далёкую страну. Но колдовство-то уже свершилось!

Едва эти слова были произнесены, как из камина вылетело какое-то насмешливое карканье. Брэнда испуганно прижала ладони к ушам и спрятала лицо в бабушкины колени. Та успокоила внучку:

— Не пугайся. Это ворона кричит на трубе.

На дымовую трубу дома в самом деле села обыкновенная чёрно-серая ворона. По её хромой ноге и хвосту с выдранными перьями можно было догадаться, что жила она на свете не первый год и успела побывать в разных переделках. Ворона проверила, не видит ли её кто, расставила пошире ноги и принялась шуровать клювом в расщелине за отбитым кирпичом. Там выходил наружу кусок более старой стены, выложенной из песчаника.

Возможно, в том месте находился её тайник. В таких укромных местах птицы прячут всякую ерунду: будь то осколок зеркала, или отбитая от кружки ручка, или кусок железа. Но в расщелине ничего подобного не оказалось, лишь каменные крошки высыпались оттуда на крышу. Ворона снова хитро покрутила головой и напоследок опять поклевала между кирпичами. А может, просто почистила клюв перед тем, как подняться в воздух.

После недолгого полёта она опустилась отдохнуть на колокольню местной церкви. Вечером там было тихо. Все восемь колоколов последний раз отзвонили в семь часов, а вечерняя служба закончилась ещё раньше. Внутри никого не было, лишь одиноко белели печальные скульптуры на надгробиях давным-давно умерших лордов, да стояли в привычных позах фигуры святых на цветных оконных витражах.

Церковь эта была знаменита тем, что её восточный фасад украшала бычья голова с длинными медными рогами. А также тем, что в ней удивительным образом сохранились глиняные кружки, из которых века назад пили свой эль звонари. На всю страну осталось всего полсотни таких исторических кружек.

Ворона пристроилась рядом с бычьей головой, чтобы привести в порядок перья. На первый взгляд, ничего особенного в её поведении не было: птицы часто собирались на колокольне, шумели и даже дрались там. Но эта ворона не была обычной птицей. Поэтому лики в

оконных витражах нахмурились, лежавший на усыпальнице мраморный рыцарь со скрежетом переложил меч из руки в руку, а кружки зазвенели, словно кто-то собирался запустить ими в незваную гостью.

В нише церковного амвона родилась упругая волна света, такая яркая, что её можно было увидеть закрытыми глазами, и прошла сквозь стену. Бычья голова ожила, замычала и боднула ворону.

Испуганная птица отлетела на безопасное расстояние и уселась на надгробии молодой девушки, которая умерла двести лет назад, *«оставив родителей и дядю в глубокой печали»*, как было там написано. Ворона прокаркала в сторону бычьей головы зловещую тираду, потом взлетела и понеслась над городком, в котором дома были ниже деревьев. Она летела над вереницей черепичных крыш с каминными трубами, над ухоженными садами, где розы цвели даже зимой, над оживлённой Главной улицей с пабом¹ «Королевская голова». Через минуту птица уже клала когти по подоконнику одного из особняков в тихом богатом квартале и разглядывала через стекло его обительницу, стоявшую у камина.

Женщина бросала в огонь пучки сухих трав. Звали её Мэри, и она была старшей дочерью бабушки Азалии. Никто не знал, что она занимается ворожбой. А сама Мэри считала, что просто развлекается, занимает «делом» свои долгие и скучные вечера. Колдовала она по книжке, которую тоже скуки ради купила в одном магазине. У неё не было ни друзей, ни любимых родственников, ни детей, ни даже собаки или кошки.

Травы вспыхивали и быстро сгорали, наполняя комнату сиреневой дымкой. В подвешенном над огнём котелке бурлило варево, набухал огромный пузырь, который как будто даже не собирался лопаться.

Над камином висел портрет. Можно было предположить, что художнику позировала сама хозяйка особняка. Но ей явно польстили, пририсовав чёрные густые локоны и длинные ресницы.

Магическое действо у ведуньи не выходило: пламя всё не разгоралось и в конце концов погасло, а варево перестало пузыриться. Это случилось уже не в первый раз, и Мэри сердито топнула ногой.

Подсматривавшая за ней ворона расхохоталась. В этот момент голова птицы блеснула, точно была из фарфора. Блеснули и ноги, показавшись словно бы человеческими. Если бы кто-нибудь увидел её, то подумал бы, что на подоконнике пристроился фарфоровый человек, накинувший на себя плащ с капюшоном из вороньих перьев, а на нос нацепивший клюв.

¹ Паб – пивная в Англии.

Глава первая. Счастливое семейство Скидморов

Джордж покрутился в постели и перевернул подушку, устраиваясь поудобнее. Он проснулся среди ночи, потому что кто-то явственно произнёс у него над ухом:

– Что потеряно – нашлось.

После этого голос сразу пропал, смешавшись с шумом ветра и бивших в окно капель ливня. Это, конечно, был кусочек недосмотренного сна.

Когда же прекратится дождь? Гремела сильная гроза, и мальчик подумал, что долгожданной поездки к морю теперь не будет.

Так и получилось. Наутро небо осталось серым, укрытым толстым слоем облаков, точно зимним одеялом. Вдобавок по радио сообщили о наводнении в Корнуолле. Высоко поднявшаяся вода накрыла рыбацкую деревню с рестораном, где в прошлом году Джордж с родителями и сестрой ели огромных креветок, и ферму, где им показывали, как из молока делают сыр. Всё там теперь поплыло и завертелось в грязи.

Недовольный, он спустился к завтраку и сонно поздоровался с отцом, который пил кофе и читал газету.

– Что новенького, Джорджи-Поджи? – спросил отец.

– Ничего, – угрюмо ответил сын.

Именно это его и огорчало.

– А у меня полно событий, – весело сказал мистер Скидмор. – Сначала я открыл один глаз, потом другой, потом потянулся, встал, почистил зубы, надел левый носок, надел правый носок, сварил кофе с пенкой, подобрал под дверью почту. Вот, читаю про Корнуолл. Давай, нарисуем метки?

– Какие метки? – чуть живее откликнулся Джордж.

– Уровня воды... – Отец приставил ладонь к низу стены. – Здесь напишем «не боюсь», здесь, – ладонь переместилась выше, – «всё равно не боюсь». А вот здесь – «я же не умею плавать»!

Мистер Скидмор рассмеялся своей шутке. Это было вполне в его характере. Он просто не умел унывать.

– Боишься наводнений? – обиженно нахмурился мальчик.

– Мы на возвышенности... – Отец сразу забыл о его вопросе, потому что теперь смеялся над новостями в газете. – Ты только послушай! Тут пишут: «Перед отъездом проверьте, нет ли под вашей машиной пингвинов». И это всерьёз! В Южной Африке развешивают такие объявления на автомобильных стоянках! – Скидмор-старший жизнерадостно похохотывал.

Но у Джорджа характер был послабее, и, подумав о сорвавшейся поездке на море, которую ждал целый год, он вновь с тоской протянул:

– Скуотища...

На сей раз отец понял его с полуслова:

– Ну, хочешь, поедem в Бэттлсбридж?

Он не шутил.

– Конечно, хочу! – обрадовался мальчишка.

Они оба любили ездить в Бэттлсбридж, потому что там была самая настоящая «Лавка Древностей». И Джорджу иногда удавалось упротить отца купить новый экспонат для его палеонтологической коллекции.

Перед этим семья обычно заезжала на стоянку яхт, гуляла по берегу, слушая звон металлических деталей на мачтах. Отец со знанием дела обсуждал чужие лодки. Филипп Скидмор был прекрасным шкипером и два раза в году брал семью в плавание на арендованной яхте вокруг острова Уайт. Если налетал сильный ветер и яхта кренилась, он успокаивал

маму – мол, пока парус не коснётся воды, бояться нечего. Он очень хотел, чтобы их дети тоже полюбили море: может быть, Джордж и Брэнда поплывут когда-нибудь в Австралию? И тогда он наполнится радостью от осознания, что его самая большая мечта осуществилась!

У Скидмора-старшего не было денег на покупку своей яхты – вся зарплата уходила на нужды семьи. Единственный парусник, которым он владел, стоял дома на подоконнике. Поэтому, осмотрев чужие яхты на стоянке и прикинув в уме их стоимость, отец вздыхал и переводил разговор на другую тему.

После этого наступала очередь мамы. Она тут же вспоминала, что в городке есть ещё и блошинный рынок², и радостно принимала решение – отправиться туда за сверхдешёвыми покупками. «Мальчишки играют в свои игры, а девочки – в свои», – говорила она, увлекая семью в поход за всякой, по мнению Джорджа, ерундой. Она называла папу мальчишкой, а купленные им во время таких поездок вещи игрушками, хотя мистер Скидмор был лысоватым сорокадвухлетним мужчиной, и покупал он вовсе не игрушки, а крючки к новой леске или детали к компьютеру.

Однажды сын и дочь соблазнили отца раскошелиться на большой китайский телескоп. Они установили его в саду, и вся семья долго ждала безоблачной ночи, чтобы приступить к изучению жизни на Марсе и колец у Сатурна. Но телескоп оказался очень слабым, и всё, что им удалось – рассмотреть лишь кратеры на Луне.

Отец всегда говорил, что умный человек умеет ограничивать свои желания. И приводил в пример себя. Вот он, Филипп Скидмор, свои самые высокие, самые поэтические мечты связывал с морем. И что же, разве он наложил на себя руки оттого, что так и не добрался на собственной яхте до Австралии?..

В сотый раз повторяя всё это сыну, Скидмор-старший вёз семью на машине в «Лавку Древностей». По дороге они привычно осматривали красивые дома, живописно расположенные на холмах между лесом и морем. Вот где им всем хотелось бы жить! Джорджу даже казалось, что именно в таком районе и должны селиться самые особенные, самые умные и самые счастливые люди.

Отец и тут «распускал хвост», по выражению мамы, которая подсмеивалась над ним. Он с важным видом записывал адреса владений, выставленных на продажу, словно собирався их купить. Но Джордж знал, что денег на особняк у них никогда не хватит. И окончится всё, как обычно, лишь разговором родителей о том, как они всё-таки бедны по сравнению «с некоторыми другими людьми». Например, по сравнению с тётей Мэри. Правда, и эти выводы неунывающий отец всегда делал со смехом и шутками.

Джордж никак не мог решить: счастливая ли у него семья? Вроде бы да. Им так хорошо всем вместе сиделось на любимой прибрежной скамейке с памятной медной табличкой в честь некоего покойного Гэри Бойли – *«доброто́го отца, мужа и настоящего джентльмена»*, – скамейке, поставленной у моря на средства его вдовы. Так здорово было болтать там о чём-нибудь, разглядывая море и чаек, а потом заглянуть в ресторанчик и купить жареной рыбы с картофельными чипсами. Но это всё, что они могли себе позволить. И Джордж всем своим организмом, каждой своей клеточкой, а не только душой, ощущал неизбывную бедность их семьи. Мама не работала, а отец, кормивший семью, не мог работать и получать больше, чем сейчас. Ведь в этом случае он совсем бы не видел жену и детей.

Отец даже не делал попыток найти дополнительную работу. И страшно гордился той единственной, которую имел. Вот и сейчас он с мальчишеской улыбкой следил за тем, как

² Блошинный рынок – место, где люди продают и покупают старые, бывшие в употреблении или просто не пригодившиеся вещи. Также там продаются и покупаются антикварные вещи, предметы старины и прочие специфические товары по интересам. Товары, как правило, достаточно недорогие.

кружили над берегом привыкшие к угощениям упитанные чайки, и, блаженно щурясь, говорил:

– Видите вон ту большую баржу? Это повезли на материк машины с нашего завода.

Но Джордж иногда думал, что лучше бы отцу трудиться побольше, вместо того чтобы годами бесплодно мечтать. Может, тогда они хоть раз в жизни купили бы билеты на огромный пароход, который отвёз бы их в Австралию.

Глава вторая. Кража из «Лавки Древностей»

Приятно гулять по Бэттлсбриджу – сельской местности с извилистой широкой рекой, мостиками и деревенскими коттеджами. Но Джорджу не терпелось пойти к деревянному «небоскрёбу» с чайной на пятом этаже башни. Прежде в этом здании был элеватор для хранения зерна. С помощью транспортёра зерно спускали вниз и загружали на баржи, которые приплывали по реке. Теперь здесь, внизу, находился заветный для мальчишеского сердца магазин «Лавка Древностей».

Джордж ни с чем бы не спутал запах этой лавки – сладкий и тяжёлый одновременно от множества собранных здесь старых вещей, повидавших разных хозяев. У каждого предмета тут своя история, и все вместе они образуют одну большую – историю Англии.

Немногочисленные покупатели со знанием дела и благоговением ходят по комнатам, протискиваясь между старинными сундуками, комодами, зеркалами, картинами. Рассматривают столетней давности табакерки; надписанные в прошлом дамами любезные открытки; привезённые их кавалерами из дальних тропических стран затейливые восточные вещицы. В продаже имеются даже древнеримские монеты, зубы динозавра и трофеи Второй мировой войны.

Непостижимо, но сторожит всё это богатство один-единственный продавец. Да и у того сонный вид: подперев голову руками, он то ли дремлет с открытыми глазами, то ли слушает радиоспектакль. Рядом с продавцом стоит клетка, из неё таращит свои кроткие бусинки-глазки морская свинка. «Свинка не продаётся», – написано на бумажке, прикрученной проволокой.

Побродив по лавке, мама выбрала из расставленного вокруг добра старую садовую табличку с надписью: *«Гусеницам и слизнякам вход воспрещён! Сад находится под охраной»*, – а также красивую металлическую банку и несколько старых открыток.

Детей заинтересовала игрушечная лошадка с повозкой и кучером. В спине у неё торчал ключ. Чей-то прадедушка заводил её, когда был мальчиком, и лошадка двигала передними и задними ногами. *«99 фунтов. Уценка. Механизм неисправен»*, – значилось на картонном ценнике, который висел на шее кучера. Понятное дело, колёсики и зубчики изнашивались за долгие годы.

А старший Скидмор задержался возле музыкальных тринкет-шкатулок викторианской эпохи³. Среди них попадались занятные – с фарфоровыми фигурками.

Долгий путь прошла эта белая глина – от первых слепленных проб до обжига в печи, через эмали, лаки, – чтобы стать раскрашенными фигурками играющих детей, собак и котят.

Мистер Скидмор склонился над тщательно вылепленным лопоухим человечком, который сидел в белом кресле с листком бумаги. Ноги человечка не доставали до пола, потому что кресло было ему велико. Но оно и не могло быть другим – как раз в его основании находилась шкатулка. Филипп Скидмор осторожно перевернул её, разглядывая клеймо мастера.

– Ммм... непонятно, что тут написано. – Он потянул человечка за туловище, и шкатулка открылась. – Хотя забавно... И камень зачем-то в неё положили.

Ларчик оказался с музыкой. Внутри что-то ожило – как будто железные бабочки заскребли крыльями, и усталый механизм выдал завораживающую своим однообразием мелодию. Джордж дожидался её окончания, поёживаясь от непонятно откуда налетевшего сквозняка и недоумевая про себя, как можно всерьёз интересоваться такими старушечьими вещами.

³ Викторианская эпоха (1837–1901) – период правления Виктории, королевы Великобритании и Ирландии.

Мама с Брэндой всё любовались открытками. Джордж уже хотел потянуть отца в свой любимый отдел, где лежали окаменелости. Но вдруг заметил, что внутри шкатулки, которую отец не закрыв поставил обратно, лежит не простой, а удивительный камень.

Мальчик вынул его и внимательно рассмотрел. Справа камень казался красным. А если поглядеть слева, то он становился коричневым. Камень мерцал тёплым светом, словно подсвеченный изнутри огоньком. Покрывавшие его отпечатки древних растений напоминали рисунки и даже письма. Как будто очень терпеливый мастер корпел над камнем месяцами, выбивая узоры. От него трудно было отвести взгляд.

– Ух ты! – сказал наконец Джордж.

Он долго лежал животом на витрине, она даже стала тёплой. В этот момент мальчик понял, что не хочет ничего другого, кроме этой окаменелости. Он готов был всю свою коллекцию за неё отдать!

«Камень, хотя он и находился в шкатулке, наверное, можно купить отдельно», – подумал Джордж. Он уже решил, что дома положит его на самое видное место на полке – среди окаменелых трилобитов⁴. И обязательно похвастается им перед Питером Вэстом.

– Пап, а пап... Купи мне его на день рождения, – осторожно попросил мальчик.

– Бульжник? – пошутил Филипп. – Хорошая идея – недорого и сердито.

Они подошли к сидевшему за конторкой равнодушному продавцу.

– Ну, давай сам, – подтолкнул старший Скидмор сына.

Джордж спросил цену. «О Боже! Если бы я мог повернуть время назад, чтобы предотвратить это страшное злодеяние!» – прозвучал возглас из транзисторного приёмника. Продавец нехотя убавил громкость и ответил, что в лавке не торгуют подобным товаром.

– Да он вот тут лежал, – показал Джордж на шкатулку.

Продавец подошёл к витрине, раскрыл шкатулку, а затем с удивлением отдал камень Филиппу.

– Впечатляет, – сказал отец, взвешивая его в руке. – Почём у вас десяток таких?

Джордж счастливо рассмеялся – он уже держал наготове пакет, чтобы положить туда покупку. Но продавец задумался, как будто первый раз видел окаменелость, а затем назвал немыслимую цену.

– Сколько??? Сто пятьдесят девять фунтов?! Сто пятьдесят девять фунтов?! – страшным голосом переспросил отец, кладя камень обратно в шкатулку.

По его лицу Джордж понял, что вероятность покупки равна нулю.

– Пап, ну пожалуйста.

– Слишком дорого, – сердито ответил мистер Скидмор.

– Ну пап... – Слёзы уже готовы были закапать из глаз мальчика.

– Нет.

Джордж знал, что такое «нет» означает не «нет... хотя возможно», а именно окончательное «нет».

Подумаешь, сто пятьдесят девять фунтов, большие деньги! Он бы на месте отца не стал жадничать. Правильно тётя Мэри однажды сказала: глупо вкалывать с утра до вечера, если не можешь купить себе, что хочется. Мамина сестра – настоящая миллионерша, и притом не работает. Она знает, о чём говорит.

Как же заполучить камень? Похоже, в лавке этим товаром особенно не дорожат, хотя и запросили огромную цену. Джордж даже готов был украдкой сунуть его в карман, притом что в жизни не воровал.

И тут в магазине погасло электричество. Лавка погрузилась в полумрак, какой бывает дождливым днём в заставленных мебелью помещениях. Стало тихо и тревожно, только

⁴ Трилобиты – вымерший класс морских членистоногих.

транзисторный приёмник еле вятно продолжал причитать: «Слишком поздно, и нет пути назад!» От волнения Джорджу померещилось, будто через зал пролетела и уселась на стену доисторическая птица с дамской шляпкой в клюве.

Потом свет вспыхнул с новой силой. Зажглись все выставленные на продажу старинные лампы на бронзовых ножках. Там, где Джорджу померещилась птица, оказался обыкновенный настенный светильник с абажуром.

И опять всё погасло.

– Ничего себе, иллюминация, – сонно заметил продавец и направился к электрическому щитку. Мигающий свет волновал его чуть больше, чем оставленный на прилавке товар.

– Филипп, мы с Брэндой выходим! – крикнула мама.

– Мы тоже! – И отец пошёл к выходу.

– Ещё разок только взгляну, – тихо сказал мальчик.

Он не мог найти в себе силы расстаться с камнем. Словно кто-то нащёптывал ему: «Возьми»...

– Джордж? Пакет у тебя? – Отец неожиданно повернул обратно.

– У меня, у меня...

Прыгающими от волнения руками Джордж подёргал крышку шкатулки с лопухим человечком. Но она не открывалась, словно была заперта изнутри. Что теперь делать?..

– Догоняй! – Мистер Скидмор вышел из магазина.

Когда после этого они поднимались по крутым ступенькам в башню, отец заметил:

– Что-то пакет заметно потяжелел. – Его лысина блестела от капелек пота. – Прихватил камушек с собой?

Сердце Джорджа ухнуло и покатилося вниз по ступенькам. А что если отец заглянет в пакет прямо сейчас и увидит в нём даже не камень, а целую украденную шкатулку?

– Не расстраивайся. – Филипп Скидмор похлопал сына по спине. – Разбогатеем, все окаменелости на свете скупим.

Он даже не представлял, как близок был к истине, когда шутил минуту назад. Отец пребывал в глубокой уверенности, что Джордж на кражу не способен.

«Разбогатеем! Как же!» – едва не фыркнул мальчик.

Глава третья. Странный посетитель

В башне семейство Скидморов село у окна. Отец пошёл платить за чай и горячие кексы, Брэнда и мама смеялись чему-то, а Джордж всё елозил ногой под столом, проверяя пакет. Мальчик надеялся, что никто пока не станет туда заглядывать, а потом он незаметно перепрыгнет шкатулку. Но волнение его не проходило.

Он сдвинул выцветшую ситцевую занавеску на окне. Вид на реку и окрестности открывался захватывающий. Легко было представить, что ты рыцарь, а это башня твоего замка. Лучи солнца прожгли дыру в чёрной туче, и на небе, над цепочкой розовых облаков-барашков, появилась двойная радуга.

К старой, запущенной пристани подплыла лодка. Из неё долго выбирался толстый господин с длинным зонтом-тростью. К нему подбежали две собаки и стали лаять, хотя лая Джордж, конечно, не мог слышать. Толстяк замер в угрожающей позе, выставив перед собой трость. Потом, опираясь на неё, заковылял к «Лавке Древностей».

– Какой смешной дяденька, – сказала Брэнда.

«Нет, это не просто дядька и не просто лодка, – размышлял Джордж. – Это неприятельский корабль с чёрными пиратскими парусами. Но враги не застанут рыцаря Джорджа врасплох! Верные слуги и воины замерли у бойниц замка, готовые дать бой толстому пирату».

– Это место было свидетелем жестоких схваток. Поэтому и называется Бэттлсбридж – Мост Битвы, – в унисон его мыслям сообщил вернувшийся с кексами отец.

– Ну и когда у нас появятся деньги на собственную яхту? – спросил его Джордж, ощущая то ли стыд за совершённую кражу, то ли просто раздражение на бедность главы семейства.

Он ожидал, что отец по своему обыкновению отшутится, ведь ответ был известен заранее – «никогда». Но на сей раз Скидмор-старший решил остаться серьёзным и рассказал, как давным-давно он возвращался с друзьями с одной вечеринки. Все были немного навеселе, поэтому разговорились о своих заветных желаниях. Парней не заботило, что таксист слушает их. Они просто болтали, перебивая друг друга, и сами не принимали всерьёз свои мечты. Но, наверное, они попали тогда в непростое такси, потому что у всех друзей Филиппа Скидмора высказанные тогда желания исполнились.

– А таксиста случайно не Джим Всё Устроит звали?

Телевизионный Джим исполнял любые желания. Мечтаете покататься на «роллс-ройсе»? Встретиться с любимой поп-звездой? Пожалуйста! Погладить слона? Сыграть в футбол в Антарктиде? Только отправьте письмо на телевидение. А может, придумали интересный рисунок и хотите перевести его на подарочную обёртку? Нет проблем, Джим и это устроит. Одна девчонка получила с фабрики столько рулонов обёрточной бумаги со своим рисунком, что, говорят, до сих пор заворачивает в неё подарки, хотя уже давно стала взрослой...

Отец рассмеялся.

*– Когда вы мечтали – чего вы желали,
Чего вам хотелось подчас? —*

лукаво спросил он детей.

*– Мечту приближая, письмо напишите,
И Джим всё устроит для вас! —*

подхватила Брэнда, и к ней присоединилась мама.

*– Для вас, и для вас, и для вас,
И Джим всё устроит для вас! —*

весёлым хором продекламировали Скидморы.

Один Джордж отмалчивался.

– Нет, – серьёзно ответил ему отец, – телевизионный Джим не потянул бы их мечты.

– А твою? – спросил сын.

– Я сказал про яхту и кругосветное плавание. Но я сказал и о том, что хотел бы иметь прекрасное дружное семейство. И эта моя мечта сбылась. – Филипп благодарно погладил руку жены.

Мама не смогла сдержать улыбку:

– Ох, Скидмор, всегда ты находишь особенные слова.

Джордж задумался, о чём бы он сам заговорил в том такси. Он бы хотел собрать отличную коллекцию окаменелостей. Ещё он желал бы объездить все палеонтологические музеи мира. Но с такими желаниями надо обращаться не к волшебному таксисту, а к телевизионному Джиму, который Всё Устроит. А ещё, а ещё... Но больше ему ничего не приходило в голову. Главной мечты – на всю жизнь, как у отца – он пока не имел.

– Не знаю, может, я сам виноват в том, что у меня до сих пор нет яхты. Я просто не прикладывал слишком больших усилий для достижения этой мечты, – продолжал отец.

– А твои друзья разве прикладывали усилия? – спросил Джордж.

– Конечно. Тот, который стал известным архитектором, много учился. Тот, который женился на красотке Сю, должен был для начала набраться смелости, чтобы пригласить её хотя бы в кино. Дальше требовалось доказать, какой он стоящий парень... Поверь мне, это нелегко с девушками, которые слишком влюблены в самих себя. Ну а тот приятель, который выиграл целое состояние в лотерею, несколько лет каждую неделю покупал билеты. Если бы они просто сидели у окна и мечтали, ничего бы ни у кого не вышло! Чудеса приходят обедать только туда, где для них накрыт стол!

– Но ты тоже не сидел сложа руки, выучился на шкипера, – похвалила мужа Пэм Скидмор.

– Этого оказалось недостаточно. Я люблю свой завод. А работая на нём, не станешь миллионером.

Это было правдой. Отец не просто любил свою работу инженера. Он не боялся запачкать руки, копаясь в разных механизмах. Если что-то важное ломалось на заводе, срочно вызывали Скидмору, и он безошибочно определял причину поломки. «Филипп, как тебе это удаётся? Поделись секретом!» – иногда просило начальство. «Ну да! Сейчас открою вам все секреты и стану не нужен», – отшучивался отец.

И всё-таки в душе у Джорджа затаилась обида на отца. Это он виноват в том, что его сын сделался вором. Он! Работал бы больше, не пришлось бы отказывать семье в покупках. Эх, если бы у него, у Джорджа, были деньги, он бы показал отцу, что такое настоящая щедрость!

Других посетителей в чайной почти не было. Только в углу официантка обсуждала с парой местных жителей последние деревенские новости и то, что в чайной пора перестилать полы. И вдруг очень ясно раздался странный, посторонний звук. Это был чих. Джордж pokrutil головой.

– Ты сейчас чихал? – спросил он отца.

– Да, – рассеянно ответил тот, оставив чашку и ощупывая карманы. – Вы не видели мой мобильник?

Это была постоянная беда их семьи. Старший Скидмор терял по три телефона в год! Если обычный англичанин проводит в сумме год своей жизни, отыскивая пропавшие предметы, то у Филиппа Скидмора к этому году можно было смело добавить еще несколько месяцев.

Всё начиналось с невинного: «Вы не видели мой мобильник?» – а заканчивалось тщетными звонками самому себе с другого телефона. Мама часто говорила, что отец растяпа и растеряша. «Вот деньги и утекают у него между пальцев», – подумал Джордж, впервые поймав себя на беспощадности к отцу. Но удивляться этому чувству было некогда, потому что дверь резко распахнулась, ударившись ручкой о стену, и в чайную влетел тот самый толстяк из лодки.

Он явно торопился. Тяжело дыша, быстро обвёл взглядом помещение и нетерпеливо постучал тростью по полу. Все тотчас уставились на него. Толстяк выглядел солидно, но очень старомодно: как главный лакей из кинофильмов, только с дурацкой чёрной шляпой на голове. «Кажется, она называется котелком», – вспомнил Джордж. И усы у него топорщились так, словно были сделаны из проволоки.

Толстяк был явно расстроен. Едва войдя в чайную, он сквозь одышку забормотал что-то о пропавшей семейной реликвии, о продавцах, которые не помнят, куда подевался их товар. Размахивая длинным зонтом-тростью, мужчина подошёл к стойке, заказал чашку чая и творожный торт с клубникой.

И тут начались новые странности. Незнакомец пошёл к свободному столику путаным маршрутом. Проходя мимо Джорджа, он уронил что-то, со звоном упавшее на пол, опустился на колени, принялся искать под столом. Послышалось шуршание пакета. Джордж вздрогнул, сразу прижал пакет ногой, потом нырнул вниз и встретился глазами с рассерженным толстяком.

– Извиняюсь, молодой человек! Ключи от машины обронил, – негромким, нахальным голосом произнёс тот. Вежливость давалась ему с трудом. – А вы, случайно, шкатулками не интересуетесь?

– Совсем не интересуюсь, – занервничал Джордж.

– И вам не встречалась сегодня одна, такая миленькая, с человечком наверху? – Незнакомец вдруг мяукнул и опять потянулся к пакету, попытался заглянуть в него.

Джордж резко отодвинул пакет и спросил, похолодев:

– Да что вы ко мне привязались?

«Как быстро начались неприятности!» – мелькнуло у него в голове.

– Что такое? – всполошилась наверху мама. – Джордж, нельзя так грубить.

– Всё в порядке, мэм! – заверил её толстяк, вылезая из-под стола. Но глазами он дал понять мальчику, что подозрения остаются в силе.

Джордж продолжал чувствовать на себе взгляд толстяка, даже когда тот сел за свой столик. Эх, скорее бы вернулся отец, разыскивающий свой телефон, и они ушли бы отсюда! Он не вытерпел и посмотрел прямо в желтоватые глаза мужчины. Правда, мама говорила, что пялиться на людей неприлично. Но сейчас было не до хороших манер.

Незнакомец не отвернулся, более того – подпёр щеку рукой и продолжил изучать Джорджа. Официантка принесла ему поднос с огромным куском торта. Тогда он начал медленно и самозабвенно – как все обжоры – объедать торт с краёв. Торт крошился, и кусочки, не долетая до пола, оседали на животе толстяка. Он без смущения подбирал их и отправлял в рот.

Вокруг тарелки незнакомца зажужжала муха. Он вытер испачканные кремом усы, лениво сосредоточился и замер с направленным на неё пальцем. Точно так же он замирал, когда выставлял трость против собак. Муха тотчас уселась на стену. И толстяк почти не глядя повесил на неё свой зонт – как на вешалку. Потрясённый Джордж вытянул шею, чтобы убедиться – да, зонт висел не на гвозде, а именно на мухе!

Странный господин продолжил объедать свой торт по кругу, сохраняя посередине розочку из крема. Наконец настал торжественный момент, когда он подцепил её ложкой. Глаза его закатились от удовольствия, рот широко раскрылся.

Внезапно коварная розочка соскочила с ложки и свалилась ему на живот. Толстяк, не теряя самообладания, принялся ловить её ложкой. Но розочка твёрдо решила не доставаться ему. Оставив жирное пятно на животе, она сползла к нему на ногу. Незнакомец решил, что пора, позабыв про манеры, ловить её руками, и отложил ложку в сторону. Однако и тут охота завершилась неудачей. Розочка соскользнула с брючины на ботинок и приземлилась на пол.

Джордж, не сдержавшись, громко фыркнул. Толстяк сразу выпрямился и оскорблённо окаменел, как будто ждал извинений. Он знал, что Джордж смеялся именно над ним. И мальчик знал, что толстяк это знал...

В этот момент вернулся отец. В руке у него был зажат найденный мобильник.

– Оставил его в лавке, – сообщил он, наскоро допивая остывший чай. – Ты чего вскочил, Джордж?

– Пап, пойдём скорей! – Побледневший мальчишка потянул отца за рукав. – Надоело нам ждать тебя!

Семья Скидморов вышла из чайной под пристальным взглядом странного незнакомца.

Это было невероятно – то, что произошло с Джорджем в последние полчаса! Ему очень хотелось рассказать всем о том, как толстяк соврал ему про ключи от машины. Ведь он приплыл в лодке – это видели в окне и Брэнда, и мама. А ещё он повесил трость на муху. И мяукнул! Но мальчик боялся, что никто ему не поверит. Да и никакой лодки у заброшенной пристани не оказалось. Было очевидно, что никто к ней давно не приплывал, кроме диких гусей. Только обрывки разноцветного мусора и треснувшая деревянная доска покачивались среди тины. По берегу кругами ходил большеголовый кот. Он нахально мяукал, как будто убеждал кого-то: «Моё, моё!»

Глава четвёртая. Фарфоровый человечек разговаривает с Джорджем

Джордж долго не мог заполучить украденный из «Лавки Древностей» камень. Он оставался в шкатулке, шкатулка – в пакете, а пакет был заперт в багажнике машины. Мальчик немало поволновался за это время. Он представлял, как продавец обнаружил пропажу, как с его сонного лица сразу слетело равнодушие, как после недолгих поисков он вызвал полицию. Началось расследование, вопросы – кто интересовался камнем и шкатулкой в последнее время, как он выглядел. «Ага, записываем. Мужчина с мальчиком лет одиннадцати. Белая прядка на лбу у мальчика, говорите? Хорошая примета. И даже номер машины запомнили? Это значительно ускорит следствие»...

Однажды, когда мама вышла в магазин купить молока к чаю, в дом постучались двое полицейских. Под удивлённым взглядом Леди, собаки породы бассет, Джордж прополз на четвереньках по коридору и сел у двери. Он хотел подслушать, о чём они говорят между собой.

Но тут вернулась мама.

– Извиняемся, мэм, вы живёте здесь? – спросили её полицейские.

– Да, – ответила она.

– Можно задать вам несколько вопросов?

– Разумеется, – ответила мама. – Давайте зайдём в дом.

Бедная мама! Она повернула ключ в замочной скважине, толкнула дверь, но та не поддавалась. Миссис Скидмор постучала, крикнула в щель для почты, подзывая Джорджа, но сын не откликнулся.

– Странное что-то с дверью, – сказала мама полицейским.

А с дверью было вот что: перепуганный Джордж навалился на неё спиной, а ногами упёрся в решётку отопления. И только когда полицейские ушли, задав маме за дверью пару вопросов, он быстро перебежал из прихожей в гостиную. Сердце его колотилось, как у зайца.

– Джордж, разве ты не слышал, что я стучала? – рассерженно спросила мама, войдя в дом.

– Я в ванной был, – соврал сын. И тут же ему стало досадно, что теперь он не только воришка, но ещё и лгун. Однако, заглушая в себе голос совести, он быстро поинтересовался: – А зачем приходили полицейские?

– На нашей улице обворовали дом, ищут свидетелей.

«Уфф», – с облегчением выдохнул Джордж. Спасибо продавцу из «Лавки Древностей», что он так равнодушен к своему товару! Может быть, он вообще никогда не обнаружит пропажу?

Наконец настал день, когда Скидмор-старший вытащил из багажника вещи и свалил их на полу в гостиной. Пакет стоял теперь возле журнального столика. Родители не торопились доставать из него покупки, и это было на руку Джорджу. Он ждал подходящий момент.

Брэнда вертелась рядом, но её можно было не бояться – она ещё маленькая и глупая. Отец лежал на софе, мама с бассетихой Леди на коленях листала журнал, телевизор бормотал сам по себе. В программе новостей рассказывали о голубях, которые жили под крышей красильни в Манчестере. Их перья так перепачкались красильным порошком, что голуби стали ярко-синими.

Когда отец задремал, а мама ушла на кухню, мальчик быстро перебежал комнату. Стараясь не шуметь, он раскрыл пакет, запустил в него руку...

– Чем ты там шуршишь, Джордж? Что у тебя вид такой взъерошенный? – сквозь дрему поинтересовался отец.

– Газетой шуршу, – промямлил сын, сжимая во вспотевшей ладони обрывок обёртки из пакета. – Нормальный у меня вид.

Он разгладил на коленке клок бумаги. Это и в самом деле была старая газета. На обрывке можно было прочесть заголовок: «Начинается акция протеста профсоюза». Кто-то зачеркнул фломастером последние три слова и жирно вывел над ними – «игра».

– Начинается игра, – шёпотом прочитал Джордж.

«Эх, нелёгкая жизнь у жулика, – подумал он. – Хотя и не поймали тебя пока, а глаза бегают, сердце колотится, руки дрожат. Если станет известно о краже...»

Но лучше об этом не думать – отец мог быть очень строгим.

Наконец Джордж утащил шкатулку в свою комнату. Крышка её не поддавалась, как и раньше. Словно кто-то властвовал то ли над шкатулкой, то ли над камнем – несмотря на то что теперь Джордж был их хозяином, хоть и незаконным.

Устав бороться с этой невидимой силой и спрятав шкатулку под кровать, мальчик спустился вниз. Родители и сестра были в саду. Отец опять дурачился. Он напялил пластмассовую шляпу с бантом, которую ему выдали на юбилей у бабушки Азалии, залез в надувной бассейн, принял расслабленную позу, сунул в рот сигару, а в руку взял банку кока-колы, изображая бездельника. Мама и Брэнда хохотали, но Джорджу было невесело. И только когда отец высокомерно произнёс: «Приветствую вас, мои подданные!», а мама заметила ему: «Скидмор, ты живёшь в мыльном пузыре, но я тебя люблю!» – мальчик кисло улыбнулся за компанию со всеми.

Ночью, едва весь дом заснул, Джордж тихонько встал с кровати. Леди приподняла голову с подстилки, и он погладил собаку, успокаивая. Сквозь тонкие занавески в комнату проникал свет уличного фонаря. По стенам перемещались тени от веток деревьев. Было тихо. Лишь редкие шумы доносились снаружи: лисица рылась в бачке с мусором, дрались коты. И вдруг с улицы донеслось: «Моё! Моё!» Кто бы это мог быть?

Джордж выдвинул шкатулку из-под кровати. Фарфоровая белая фигурка так и засияла на фоне тёмного пола. Но лицо её, оскаленное в улыбке, показалось зловещим. Мальчик не заметил, что на этот раз фарфоровый человечек сидел нога на ногу, а листок бумаги исчез из его рук. Джордж думал о другом – почему шкатулка не открывается? Он долго боролся с её крышкой, пока не услышал вредный смешок. Неужели этот человечек над ним потешается?

Тогда мальчик пронзительно и жалобно попросил:

– Ну, пожалуйста, пожалуйста, отпусти! Это мой камень! Мне нужен только камень, больше ничего! – Хотя в голове у него мелькнуло: «Разбить, что ли, этого уродца завтра, если по-хорошему не открывает?»

И тут, к его восторгу, крышка легко поддалась, словно человечек услышал просьбы, и заветный камень красным глазом блеснул в темноте.

– Долгожданный! – с любовью прошептал Джордж, целуя камень.

Обрадованный, он задвинул шкатулку обратно под кровать. Авось пока не найдут! А потом он перепрячет её в саду.

Джордж быстро заснул, и во сне гонялся за толстяком. Тот забежал в незнакомый дом; мальчик шёл за ним по запутанным коридорам, пока не очутился в полутёмном зале с множеством дверей. Стены и окна там были покрыты кружевными узорами, похожими на паутину, и звучала приятная, но однообразная мелодия. Поняв, что заблудился в музыкальной шкатулке, Джордж стал искать выход.

Какую бы дверь он ни распахивал – оттуда выскакивали какие-то неприятные рожи и монстры. Чудовища не нападали на него, а некоторые даже улыбались щербатыми ртами, приглашая идти дальше. Но стоило ему отвернуться – и они приближались к нему, окружая,

оттесняли его к единственной приоткрытой двери. Как раз к той, в которую он ни за что не хотел идти.

И всё-таки он распахнул ту дверь. «Поиграй со мною, Джордж. Станешь первым богачом», – отчётливо донеслось из угла. «Кто здесь?» – спросил мальчик, озираясь. В зале стояло кресло с фарфоровой шкатулки, и в нём сидел ухмыляющийся человечек. На спинке кресла висела его мантия из вороньих перьев. Человечек восседал как на троне. «Да, да! Я хочу быть богатым!» – воскликнул Джордж.

Из рта человечка показался и сразу спрятался длинный, тонкий, как у ящерицы, язык. «Ты мне доверяешь?» – спросил он. «Ну конечно! – ответил Джордж. – Я ведь чувствую, как вы мне рады!»

Фарфоровый карлик, соглашаясь, важно кивнул. «Тринкет, тринкет», – проскрипел он, и лицо его опять стало неподвижным.

Глава пятая. День рождения

Скидморы жили в маленьком городке Хорнчёрче, каких десятки вокруг Лондона, на тенистой Кленовой улице с двухэтажными домиками, стоявшими стена к стене. Окна в этих домиках были с цветными вставками-витражами, полукруглые – от этого домики казались пузатыми.

Перед самым днём рождения Джорджа на Кленовую улицу пришла жаркая погода. И сразу появились все признаки весны: расцвёл маленькими белыми цветками боярышник, залетали бабочки павлиний глаз и стрижи, лягушки отложили икру в водоёмах Лодж-парка, появились божьи коровки с семью точками на спинке. Когда неожиданно прибежал на тонких ногах апрельский дождик, бабочки и птицы заматались, ища укрытие, но небо быстро вновь стало голубым.

И самое главное – проснулись шмели. Мимо окна пролетел первый – чёрный, с таким пушистым жёлто-рыжим брюшком. Будто подражая ему, сразу зажужжала газонокосилка соседей. Трава за время зимних дождей вымахала длиннющая.

К их жужжанию добавилась зазывная мелодия. На улице остановился музыкальный фургон с мороженым, и соседские дети начали выбегать из домов с зажатыми в кулаках деньгами. Джордж с Брэндой успели к мороженщику первыми. Из-под обклеенного картинками и ценниками стекла высунулась рука, на ладони которой мальчик заметил необычную татуировку в виде контуров ключа. Он сунул мороженщику толстенькую фунтовую монету и назвал сорт мороженого:

– Флейк девяносто девять, пожалуйста.

– С обезьяньей кровью? – спросили из вагончика. Голос показался знакомым.

– Обезьянья кровь??? – выпучив глаза, Брэнда в ужасе закрыла рот рукой.

– Ну да, – авторитетно подтвердил Джордж. Он-то знал, что речь идёт всего лишь о малиновом сиропе. – И с присыпкой!

– Всё будет исполнено, мистер!

Нет, ну где он уже слышал этот голос?

Вскоре мальчик получил замечательный рожок, где маленькие вафельные шарики были обсыпаны разноцветными блёстками и сверху красовалась прозрачная феечка с крыльями.

– А мне? – спросила Брэнда.

– Тебе нельзя, – строго напомнил Джордж. У сестры болело горло, и ей запретили холодное.

Но Брэнда упёрлась:

– Мама не узнает!

– Врать нехорошо.

– Ты сам врешь! Шкатулку с человечком прячешь под кроватью!

Джордж встревоженно оглянулся по сторонам.

– Шпионка... Больше в мою комнату не войдёшь, – прошипел он, увлекая сестру за собой, но на всякий случай крикнул: – Нет у меня никакой шкатулки!

Его не оставляло чувство, что все, даже продавец в фургончике, слышали их разговор.

Дома сестрёнка расплакалась, и он смягчился:

– Никому больше не говори, хорошо?

– Хорошо, – всхлипнула Брэнда и заканючила: – Дай откусить хоть разочек. Я тебе за это секрет скажу.

– Фекрет фкафу, – передразнил Джордж. Брэнда не произносила «с», потому что у неё выпал передний молочный зуб, а новый на его месте пока не вырос. – Ладно, один раз только... Давай свой секрет.

– Мама заказала торт на твой день рождения с твоим именем наверху, – сообщила довольная сестра, облизываясь.

На полу пускала длинную струйку слюны бассетиха Леди. На морде у неё постоянно было написано выражение обездоленности. «В жизни этого существа имела место трагедия», – сочувствовали бассетихе знакомые Скидморов. На самом деле под печальной оболочкой пряталась озорная и крайне упрямая собачья душа. Для полного счастья ей не хватало мороженого, но высокопородная гордость не позволяла унижаться. Только когда она поняла, что от прекрасной сладости остаётся совсем ничего, возмущённо гавкнула и положила на коленку Джорджа короткую тяжёлую лапу.

– Джордж, а что ты положишь в эту шкатулку? – спросила Брэнда, забираясь на второй ярус двухэтажной кровати.

Она любила играть в комнате у брата. Ему досталась комната просторнее, чем у неё, ведь он родился раньше. А кровать эту родители купили, потому что думали – появится ещё один мальчик и братьев можно будет поселить вместе.

– Не знаю, – стараясь казаться равнодушным, ответил Джордж. Ему хотелось, чтобы сестра поскорее забыла про шкатулку.

Наконец наступил день рождения. Джордж получил в подарок новые компьютерные игры и проигрыватель дисков – от родителей, набор принадлежностей для пейнтбола – от приятеля Питера Вэста. Брэнда просто нарисовала поздравительную открытку. Но самый невероятный подарок, как всегда, был от тёти Мэри. Она вручила племяннику дорожный набор для постройки робота с микропроцессорами. Тётя специально оставила ценник на коробке, чтобы Джордж узнал – робот стоит целых сто семьдесят фунтов! Дороже камня из «Лавки Древностей».

А бабушка вручила внуку очередного плюшевого медведя.

– На цыпочки скоро придётся вставать, – расчувствовалась она, по своему обычаю целуя его в светлую прядку над лбом. – Ты мой хохолок!

– Ладно, ба, – отстранился Джордж. – Я уже большой.

Хотя Джордж и был обычным мальчишкой-кокни⁵ – с серыми глазами, веснушками, в кроссовках и вечно испачканных на коленках джинсах, – люди всегда с удивлением посматривали на его двухцветную голову, где в тёмно-русых волосах выделялась светлая прядка. Джордж расстраивался, а родители утешали сына: «Это очень красиво. За тобой девушки будут бегать, когда подрастёшь». – «Не переживай, волосы – явление временное», – хлопал себя по лысине отец. «Совсем не обязательно ему лысеть, – вступалась за Джорджа мама. – Он не в твою породу пошёл, а в мою». – «Зато Брэнда – моя копия! – радостно объявлял старший Скидмор, прижимая к себе дочку. – Глаза – мои, уши – мои, лысина... ну, это дело наживное», – рассуждал он под протестующие вопли Брэнды.

Вот Питер Вэст никогда не иронизировал по поводу внешности Джорджа. Они подружились ещё в первом классе и с тех пор подрались только один раз.

Вэст был надёжным товарищем, поэтому Джордж решил показать ему свой камень.

– А это ты где взял? – спросил Питер, приподнимая крышку стоявшей на полу шкатулки. Музыкальный механизм сразу пришёл в действие – скорбно зазвучала мелодия, которая преследовала Джорджа все эти дни.

– Нашёл, – соврал он.

⁵ Кокни – прозвище жителя Лондона из небогатых слоёв населения. Истинным кокни считался тот, кто родился в пределах слышимости колокольного звона церкви Сент-Мэри-ле-Боу, расположенной в лондонском районе Ист-Энд.

Питер приподнял светлые бровки: такие дорогие шкатулки на дороге не валяются. Но его отвлекла неожиданная находка:

– Смотри-ка, здесь потайное отделение! – Он достал из шкатулки пожелтевший листок. – Письмо!

Джордж вырвал бумагу из его рук и начал в волнении читать:

– Шлю Вам самый тёмный... Нет, не тёмный, а тёплый!..

«...тёплый искренний привет.

Всё вижу наши прогулки в парке. Не сочтите меня смешной – прошлое теперь предпочитаю любой новинке.

Сидя у осеннего окна и посылая ненастной погоде тихие проклятья, часто думаю о Вас. Без сожаления буду до самого конца вспоминать молодость... Наконец мы начинаем ценить роли, которые пришлось играть – охотно или вопреки желаниям – в спектакле жизни.

Дарю Вам тринкет-шкатулку. Только прикажите человечку: «Спрыгивай!» – он задвигается. Это такой вертун, будет бегать и танцевать с забавными ужимками.

Музыка из ларца льётся чарующая.

Ваша Азалия».

Письмо было написано дамским витиеватым почерком и пахло старым одеколоном. Пока мальчик читал, ему показалось, что человечек на шкатулке одобрительно кивает в такт словам.

«Бабушку тоже зовут Азалия, – подумал Джордж. – А ведь она недавно рассказывала нам об этой шкатулке. Сказка-то и не сказка вовсе». Так вот что бабуля в молодости натворила! Лучше держаться от этого Тринкета подальше. И зачем он обещал фарфоровому карлику, что будет с ним дружить?.. А, всё равно это было только во сне.

Мальчик засунул письмо обратно.

– Разобью шкатулку или выброшу.

– Да ты что, лучше мне отдай, – удивился Питер.

В комнату заглянул отец, и Джордж сразу спрятал шкатулку за спину.

– Подарки рассматриваешь? А гости ждут! – весело напомнил Скидмор-старший.

За столом всем опять пришлось слушать тётю Мэри. Филипп Скидмор её недолюбливал, хотя она и приходилась родной сестрой его жене. Встречаясь со свояченицей, он выдавливал из себя сдержанное: «Здравствуй, Мэри», – зато прощался всегда от души.

Несколько месяцев назад пластический хирург заменил данный ей от природы большой нос на маленький и аккуратный. После этого Мэри приравняла себя к совершенству и увешала весь свой дом собственными портретами, а над камином пристроила самый большой. Художник изобразил её такой, какой она собиралась стать после ещё нескольких пластических операций.

Мэри раздражала Филиппа Скидмора ещё и потому, что считала себя самой умной и делала наставления каждому члену его семьи, в том числе и ему, словно он был школьником. Основанием для этого тётя считала своё богатство, доставшееся ей после развода с мужем-миллионером.

Вот и сейчас сначала она громко оповестила собравшихся, что бутылка вина, которое она недавно пила на альпийских лугах, стоила дороже автомобиля Скидморов. Потом продемонстрировала все свои браслеты и кольца. А затем решила, что пришёл черёд напомнить о собственной образованности. Раньше она посещала какой-то факультет психологии (только не успела получить диплом), а также двухнедельные курсы белой магии, после чего стала называть себя специалистом. По её словам, она прекрасно разбиралась в магических травах.

– Пэмми, дорогуша, – обратилась тётя через весь стол к сестре. – Тебя терзают внутренние проблемы. Я вижу это по твоему лицу. Но мы выведем их отваром из анютиных глазок.

– Да нет, нет! Я в порядке, – добродушно ответила та, направляясь на кухню. Ей и в голову не приходило, что сестра говорит это от зависти: Мэри давно уже было невыносимо наблюдать спокойное счастье Скидморов.

– Подумай как следует, – не отставала тётя. – Если муж страдает комплексами, это переходит на жену!

– Чем-чем я страдаю? – насмешливо переспросил Скидмор-старший.

– Ну, неуверенностью в себе по причине... непроходимой бедности, я думаю!

– Опять ты за своё! – еле слышно выговорила старшей дочери бабушка Азалия.

Тётя Мэри поджала губы и принялась энергично крутить самый большой бриллиант на пальце. Она приготовилась к долгой схватке с родственниками, но в это время на кухне запищала духовка.

– Скидмор, мне нужна помощь, – позвала отца мама. И Джордж услышал, как на кухне она принялась ему выговаривать: – Филипп! Потерпи немного! Мы видим её всего трижды в году.

– Да, но мы не записывались к ней на консультацию! – не соглашался отец. – Мэри всегда разговаривает с нами как с неполноценными людьми!

– Она успешная женщина...

– А мы, значит, неуспешные?

Мама ничего не ответила.

– Тогда скажи, откуда в ней столько злости? – сердился отец. – Счастливые люди такими не бывают!

– Всё-таки она родная сестра мне, – оправдывалась мама. – Получается: подруга на всю жизнь.

– Не знаю, не знаю! Друзья должны помогать друг другу. А она только унижает!

– Может, она и вправду несчастлива.

– Разве можно быть несчастливой миллионершей? – с иронией спросил отец.

«Действительно, – подумал Джордж, – должно быть, здорово сидеть в особняке и наблюдать, как работники стригут деревья в твоём саду, чистят огромный бассейн». Он не первый раз слышал эти родительские перепалки из-за тётки Мэри и всегда принимал сторону отца. Но сейчас он поймал себя на мысли, что уважает тётю.

– Да я взывала бы от тоски в её пустом стерильном доме – без детей, собаки и тепла, – сказала мама.

– Эй, ты меня забыла перечислить, – шутливо возмутился отец, и мама рассмеялась.

А Джордж подумал совсем иначе: «Я бы переселился в тётин огромный дом и с удовольствием покомандовал там вместе с ней!» – и сам себе удивился. Ведь прежде он даже представить себе не мог, что проживёт хотя бы день с этой фурией! Похоже, его характер изменился в последнее время. А началось всё с кражи в «Лавке Древностей». Он будто раздвоился. Одна его половина стала вредной и нечестной, а вторая её осуждала. И что с ним, с Джорджем, будет дальше?

Напряжение за столом быстро прошло. В беседе упомянули бассетиху Леди, и Брэнда спросила:

– Бабушка, а наша собака – кокни?

Перед этим бабушка говорила про язык кокни. Те, кто разговаривал на этом языке, заменяли обычные слова, подбирая к ним рифмованные. Подружку называли кружкой, лестницу – кудесницей. Они свободно общались между собой, но никто чужой их понять не мог.

Кокни были людьми бедными и весёлыми. На праздники, чтобы шикарно выглядеть, они наряжались «жемчужными королями и королевами» – в щедро обшитые перламутровыми пуговицами костюмы и платья. В былые времена настоящим лондонским кокни считался тот, кто родился в районе, докуда доносился звук колокола церкви Сент-Мэри, Святой Марии. Но после войны они начали переселяться из лондонского Ист-Энда в пригороды, вроде Хорнчёрча, где жили Скидморы.

– Ба, а ты жила здесь, когда была маленькой? – с коварной улыбкой спросил Джордж.

Он находил всё большее удовольствие в том, что узнал бабушкину тайну. Это словно давало ему власть над старой Азалией.

Бабушка поджала губы, голова её мелко затряслась.

– Нет, я выросла в другом месте.

– А почему Хорнчёрч так называется? – продолжала сыпать вопросами Брэнда.

– Подумай сама. Хорн – рог, чёрч – церковь...

Главную церковь их городка уже восемьсот лет украшала бычья голова. Все соглашались, что это странно. Про голову рассказывали многочисленные легенды. Будто бы в старые времена здесь был большой рынок скота. Будто бы сначала появилось название городка, поэтому и церковь оформили ему под стать. Но толком никто не знал, почему там оказалась голова быка.

Недавно кто-то спилил древние медные рога, и двухминутный сюжет об этой краже, показанный по национальному телевидению, немного прославил скромный городок. Хотя показывать особенно было нечего. Мелькнула обезображенная бычья голова на церковной стене, а полицейский чин заверил, что ведётся расследование. Но через несколько недель местная газета сообщила, что «бесценные исторические рога так и не найдены». Пришлось приделывать к бычьей голове новые.

– Всё потому, что ведьм здесь неслитано, – заметил отец, покосившись на Мэри.

– Скидмор, не говори ерунды! – улыбнулась мама, меняя тарелки на столе.

Она ушла на кухню и вдруг громко охнула там.

– Кто-нибудь открывал духовку? – чуть не заплакала она, доставая из плиты плоский, как блин, йоркширский пудинг.

Йоркширский пудинг по характеру нежный, как безе. Если во время готовки приоткрыть духовку – конец пудингу.

– Нет, нет, мы ни при чём, честно, – с невинным видом сказали все Скидморы.

Но на самом деле нос в духовку засовывали и Джордж, и Брэнда, и даже глава семейства.

Что ж, аварии случаются со всеми. Тем не менее приготовленный мамой праздничный обед с жарким, восемью разными овощными гарнирами и неправильным йоркширским пудингом был съеден. Сытые гости откинулись на стульях и почти одновременно заговорили.

Стол, украшенный на темы палеонтологии, теперь находился в беспорядке. Игуанодоны, птеродактили скалились на гостей с донышка грязных тарелок и со стенок недопитых стаканчиков. Мальчишки начали перекидываться скомканными салфетками – с теми же зубастыми мордами вымерших хищников. Мама предупредила, что с минуты на минуту ожидается сюрприз. Гости были счастливы, хозяйка слегка встревожена – всё говорило о том, что праздник удался.

Вдруг позвонили в дверь, и мама крикнула:

– Именинник, это к тебе!

– Кто ещё? – удивился Джордж. Ведь все гости были в сборе.

– Сюрприз! Сейчас сам узнаешь!

Глава шестая. Переполох из-за фокусов

Сюрпризом оказалась фокусница – маленькая хмурая женщина с цирковым чемоданчиком и в рыжем парике. Она сунула Джорджу надувной шарик и прошла в сад, сказав, что ей надо подготовиться к выступлению.

Но это было ещё не всё. Не успел Джордж захлопнуть дверь, как перед ним появился клоун с разрисованным лицом. В руке он держал тетрадку.

– Так. – Клоун раскрыл её и сощурился над страницей, как будто читал. – Джордж Скидмор... Ага... лягушка, что там будет дальше...

– Что за лягушка? – не понял Джордж.

– Да не лягушка, а уш-ки. Ушки моет регулярно, зубы... хм... Мочит щётку под краном, потом врёт маме, что почистил. А умывается вот так...

Клоун медленно провёл двумя пальцами по лбу, щеке, торчавшим во все стороны усам. Смех его был похож на мяуканье.

Джордж в ужасе отпрянул – перед ним стоял тот самый мяукающий дядька из «Лавки Древностей»!

– Так ведь, мистер? – елеиным голосом допытывался толстяк у Джорджа.

Дети вокруг засмеялись.

– А ну тихо, двоечники! – цыкнул на них дядька.

– Нет, не так, – покраснел Джордж. – Откуда вы меня знаете?

Клоун показал на стоявший позади уже знакомый мальчику музыкальный фургончик с мороженым. Его украшал гигантский рожок, на фоне которого стояла крупная надпись: «Мороженое на все случаи жизни». А мелкие буквы добавляли: «Специальная заставка к дню рождения». В слове «заставка» была сделана ошибка.

– Будьте любезны расписаться! – Клоун сунул тетрадку Джорджу.

– В чём расписаться-то? – растерялся мальчик.

– Как в чём? В том, что мороженщик доставил вам торт – по назначенному адресу, в назначенное время. Что торт не растаял в пути. Что все вокруг честные, сплошь порядочные люди, а не жулики... Только привяжите собаку! – нервно потребовал толстяк, завидев бассетиху. – С детства не люблю собак и пылесосы!

Нелюбовь была взаимной. Леди тихо зарычала, шерсть на её спине встала дыбом.

– Хаш, паппис⁶, – зашипел на неё толстяк.

Такого нахальства на своей собственной территории бассетиха не ожидала. Зубы Леди клацнули рядом со штаниной мороженщика. Вовремя же собаку посадили на поводок!

После этого гостей позвали в сад. Брэнда показала всем на установленную там табличку «*Гусеницам и слизнякам вход воспрещён!*»

– Это из «Лавки Древностей». Там столько всякого интересного. А у Джорджа есть оттуда шкату...

– Брэнда!

Джордж послал сестре сигнал «замри!», выбросив из кулака пять пальцев и повторно – два пальца. У них существовала такая тайная игра: пять пальцев всегда означали «внимание!», а дальше требовалось смотреть. Если затем следовал один палец, это была просьба о помощи, если три – «делай как я!». Сигнал двумя пальцами «замри!» мог означать что угодно, от простого «замолчи» до предупреждения об опасности.

⁶ Хаш, паппис (англ. hush, puppies) – тихо, щенки. «Hush Puppies» – известная обувная марка, эмблемой которой является бассет-хаунд.

Брэнда любила секреты. С отцом у неё тоже был свой шифр. Например, трижды сжать руку другому значило сказать – «я тебя люблю». Девочка охотнее внимала скрытым сигналам, чем простым словам. Поэтому, заметив отчаянные жесты Джорджа, она сразу замолчала, только состроила страдальческую мину.

В ассортименте её гримас эта была новой: Брэнда упёрлась кончиком языка в большой ребристый зуб, наконец-то прорезавшийся на месте выпавшего молочного, и закатила глаза. Но молчала она недолго.

– Разве гусеницы сумеют это прочесть? – Она показала на табличку, потом растерянно взглянула на расхохотавшихся взрослых и тоже хихикнула – довольная, что чем-то так всех развеселила.

А Джордж искоса поглядывал на заносившего торт толстяка. Ни предстоящее выступление фокусницы, ни огромный торт уже не радовали мальчика. Для него день рождения был безнадежно испорчен.

– Не понимаю, зачем скупать чужое старое барахло. Беспорядок в доме говорит о беспорядке в голове, – опять раздался поучающий голос тёти Мэри.

Она с осуждением посмотрела на телескоп и на сдувшийся бассейн, торчащий из-за сарая.

– Мэри, это мой дом, окей? – не выдержал Скидмор-старший. – У нас есть всё самое необходимое для счастья. Правда, Джордж? – И отец приобнял сына.

– Не знаю, – буркнул мальчик.

Отец удивлённо отстранился от него.

– Объясни.

– Ты работаешь, работаешь, а купить толком ничего не можешь. Ни яхту, ни даже нормальный подарок ко дню рождения.

Договаривая, Джордж уже жалел о своих словах – в отцовских глазах отразилась боль. Её сменило отчуждение, Филипп убрал руку с плеча сына.

– Не знал, что ты так думаешь.

– Именно так! – торжественно подвела итог тётя Мэри.

Она выиграла спор. И Джордж понял, что предал сейчас своего отца.

– Уважаемые дамы и господа, представление начинается! – объявила фокусница. – На сцену выходит... а-а-а... а-а-а... тчоум! – Она закатила глаза и слабосильно чихнула. – Выходит Августина! Попрошу аплодисменты!

Фокусница говорила с акцентом, который нельзя было назвать ни ливерпульским, ни девонским, ни линкольнширским. «Августина» у неё звучало как «Эвгусчина». «Небось, нарочно коверкает слова, – подумал Джордж. – Циркачи любят притворяться иностранцами».

Августина достала свой нехитрый реквизит из циркового чемоданчика с ободранной наклейкой, на которой можно было прочесть: «Удивительный мистер Кот с ассистенткой Ав». Для начала она продемонстрировала незамысловатый трюк с разрезанной лентой. На её руке звенел девчачий браслетик с металлическими висюльками, изображавшими платье, туфельки, сумочку и шляпки – весь дамский гардероб. Палец фокусницы был заклеен белым пластырем, и все почему-то наблюдали за этим браслетиком и пластырем, а не за лентой.

Потом фокусница жонглировала четырьмя розовыми шариками. Один из них то и дело оказывался на траве.

– Ну хватит падать, – сердито приказывала Августина этому шарiku.

Всем было понятно, что негодует она по привычке и шарик вообще никогда её не слушается.

Дальше стало ещё скучнее. Фокусница перевязывала длинные надувные шары, делая фигуры разных животных. Опознать их можно было только с третьей попытки. Жирафа приняли за собаку. А зайца вообще за верблюда. Подобные чудеса гости видели много раз.

– Какое убожество, – громко сказала тётя Мэри.

Взрослые вежливо похлопали. Они с жалостью смотрели на сильно поношенный клоунский костюм, на часто моргавшие обиженные глазки Августины. Фокусница время от времени шмыгала носом, и мама встревоженно глядела на её острый красный нос. У фокусницы был насморк. Не хватало ещё, чтобы эта Августина всех заразила.

Только Брэнда смотрела на представление, раскрыв рот. Да ещё толстый мороженщик при каждой ошибке Августины озадаченно кричал. Он давно стоял на лужайке и уходить явно не спешил.

– Много необычного сегодня произойдёт, – стоя за спиной Джорджа, тихо произнёс клоун, как будто сам с собой разговаривал.

Мальчик обернулся, но толстяк не повёл и бровью. Он смотрел поверх головы Джорджа на фокусницу.

А та потребовала внимания и, вызываясь сверкнув глазами на зрителей, в особенности на мороженщика, объявила очередной фокус. «Ну что она может такого сделать, – думал Джордж. – Спрятать в рукав розовый шарик, а потом притвориться, что достаёт его изо рта?»

– Дайте мне какой-нибудь предмет, – голосом опытной цирковой артистки попросила Августина. – Он будет возвращён в целости.

Пока взрослые рылись в карманах и сумочках, перебирая зажигалки, носовые платки, пудреницы, монетки, мобильные телефоны и ключи, шустрый Питер Вэст поднял с земли садовую керамическую лягушку.

Августина пристроила лягушку на раскрытых ладонях, шмыгнула носом и скороговоркой произнесла:

*Там крутят фокус-покус,
На пике озорства,
Я в сундуке пороюсь,
Добавлю волшебства.*

И она принялась дуть на лягушку, как дуют на горячий чай. Лягушка задрожала и вдруг исчезла, превратившись в сгусток цветного тумана с блёстками! Но непостижимым образом внезапно вернулась на ладони фокусницы, ожила, проглотила комара и с плеском нырнула в маленький пруд.

С полминуты длилась тишина. Потом дети запрыгали, захлопали в ладоши, а взрослые разом заговорили: «Оптический эффект... гипноз... ловкость рук... Должно же быть объяснение!»

– Ха... оптический эффект. Всему им надо найти научное объяснение, иначе и жить страшно, – фыркнули Джорджу в спину.

Это был мороженщик. Он вытащил из кармана завернутый в салфетку кусок жареной курицы (дома в гостиной стоял целый поднос с такими кусками) и, запрокинув голову, бросил его себе в рот.

– Жестковато. И недосолено, – покритиковал толстяк кулинарные способности Пэмми Скидмор, прожевав.

А фокусница постучала по деревянному столу – вышла барабанная дробь. Потом по садовым фонарикам – подключились литавры и саксофон. И напоследок прошла по

дорожке, отбивая чечётку. В воздухе повисли и заиграли мандолина⁷, зурна⁸, к ним присоединились арабский и турецкий барабаны, бубен.

– Французская дюшес⁹, английский баронет... – пропела Августина, проведя рукой по своим рыжим волосам. В них сверкнула блёстка.

– На карусель чудес прислали мне билет, – вдруг подхватил песенку мороженщик и принялся вытанцовывать рядом с ней. Вкрадчиво и ловко у него получалось – у такого толстяка.

Проходя мимо Джорджа, он подмигнул ему, словно их объединяла общая тайна. Мальчик насупился. Толстяк определённо не собирался оставлять его в покое, и всё из-за шка-тулки! Джордж с радостью отдал бы мороженщику его семейную реликвию, но как сделать это, не раскрыв правду о краже? Одно враньё давно потянуло за собой другое, третье, и он уже запутался в этой цепочке.

Под звуки восточной музыки мороженщик изобразил падишаха на носилках. Из-за соседского забора протрубил слон. Становилось всё веселее! Сад превратился в настоящую цирковую арену.

Джордж неожиданно вспомнил, что два года назад уже видел Августину и мороженщика вместе. Скидморы ходили тогда в местный цирк-шапито, где выступали «удивительный мистер Кот с ассистенткой Ав». В перерыве между представлениями ассистентка предсказывала желающим судьбу на картах таро. Услышав имя Джорджа, она назвала его будущим победителем дракона. «Может, и мне в гадалышцы податься? Несложная профессия – народ дурачить», – сказала потом мама, сожалея о зря потраченных деньгах.

*Французская дюшес,
Английский баронет
На карусель чудес
Прислали мне билет.*

Фокусница пела, отставив ногу, оперев руки в бока. В ней не осталось и следа от той жалкой клоунессы, которая только что роняла шарики. Она с притворной угрозой шла на Кота-мороженщика, в последний момент останавливалась и отступала, потому что он уже крался в её направлении и мягко царапал воздух, как будто играл с мышью.

– Теперь мой номер, – объявил толстяк. – Песня про старушку. Исполняет маэстро Кот! Музыка замедлилась, он отошёл в тень и проникновенно запел:

*В тёмном углу старушка
Ела тайком варенье
И вдруг проглотила...*

– Что-о-о она проглотила-а-а? – пропел он тонким голосом, обращаясь к зрителям.

– Подушку, – счастливо засмеялась Брэнда, широко раскрыв щербатый рот.

– Ничего-о подобного, – пропел толстяк. – Ну да ладно, так и быть, скажу-у-у ва-а-ам...

*И вдруг проглотила... мушку!
Ужасное невезенье...*

⁷ Мандолина – щипковый музыкальный инструмент с овальным корпусом и четырьмя парами струн, на котором играют роговой пластинкой.

⁸ Зурна – восточный духовой деревянный музыкальный инструмент в виде рожка или свирели.

⁹ Дюшес – жена дюка; герцогиня, княгиня. А также сорт груши.

Он выступил из тени, подошёл к бабушке Азалии, схватился за живот и сделал печальное лицо.

*Гудит и гудит внутри
Настырная чёрная мушка.
С какой стороны ни смотри,
Похоже, помрёт старушка.*

Побледневшая Азалия отпрянула, заметив на его ладони рисунок ключа.
А толстяк продолжил:

*Паучок висел у окна.
Их женщины страшно боятся.
Но его проглотила она,
Чтоб с мухой вмиг разобраться.*

Потом он подкрался к Августине и пощекотал её. Та, хохоча, изобразила муху, зажужжала, забила руками-крылышками. Кот забегал вокруг неё, как будто обматывал паутиной. Августина сначала закружилась, подняв руки вверх, но потом передумала сдаваться. Она схватила невидимую паутинку и потянула Кота к себе. Толстяк испуганно приоткрыл рот, немного побегал взад-вперёд, потому что теперь уже фокусница гонялась за ним. Они резвились, как два ребёнка.

Что за развлечение! Этот яркий праздник будто с неба на всех свалился.

Зрители горячо зааплодировали, и Августина послала им воздушные поцелуи. Поцелуи тут же превратились в разноцветные шарики, которые понеслись в сторону тёти Мэри и неожиданно стали взрываться возле неё. К их канонаде добавился истошный визг Мэри.

*Увы, бесполезно лечение,
В пустом животе шум и стук.
Такое пошло верченье —
То бегал от мухи паук.*

Кот развёл руками.

*Гудит и гудит внутри
Настырная чёрная мушка.
С какой стороны ни смотри,
Похоже, помрёт старушка.*

Последний куплет он допел со страдальческой миной, снова глядя на Азалию.

Музыка смолкла, в круге яркого света появилась Августина с пилой. Она подала её Коту.

— А сейчас... — объявил толстяк, глядя высоко по сторонам, как будто обращаясь к полному залу зрителей. — А сейчас, леди и джентльмены, вы увидите «женщину-зигзаг» — смертельный номер с распиливанием. Исполняют маэстро Кот и его непревзойдённая ассистентка Августина. Аплодисменты, пожалуйста!

Всё под ту же заводную музыку Кот распилил стоячий ящик, в который перед тем залезла Августина, и растащил три его части в стороны. Оп-ля! В одной была голова асси-

стентки – она продолжала смеяться и строить глазки, в другой она размахивала руками, пытаясь дотянуться до губ, чтобы послать воздушный поцелуй, а в третьей были видны её пританцовывающие ноги.

Зрители снова захлопали в ладоши – все, кроме Джорджа, бабушки Азалии и её старшей дочери. Мэри давно со злостью смотрела на фокусницу.

Кот снова соединил ящики. Он немного ошибся, потому что голова Августины смотрела теперь не в ту сторону. Фокусница, вновь ставшая целой, с улыбкой продолжала свой танец, но вид у неё был чудной.

Пришлось Коту делать дополнительные пассы руками, чтобы повернуть голову как надо.

Дзынь. Возле ноги Августины вспыхнул стеклянный фонарик – она взошла на него, как на ступеньку. Дзынь – вспыхнул второй. Она ступила ещё выше. И так бежала вверх по лестнице из двух фонариков – дзынь, дзынь, дзынь, – пока не поднялась очень высоко.

– Внимание, каждый новый трюк опаснее предыдущего и требует настоящего куража. Полёт из-под купола... Ап! – скомандовал Кот.

К Августине подлетели два голубя с атласными ленточками в клювах. Она схватилась за эти ленточки, и птицы плавными кругами опустили фокусницу на газон.

– Браво! – крикнул Кот.

Августина низко поклонилась. Дзынь... Это не фонарик. Это звякнула последняя литавра – перед тем как исчезнуть.

В наступившей тишине послышался грохот. Это бабушка Азалия задела горшок с примулами¹⁰, когда падала без сознания.

В саду у Скидморов началась настоящая паника. Часть гостей бросилась к Азалии с криками, что надо срочно вызвать доктора. Остальные просто хватали детей за руки и выбегали из сада через калитку.

Тент, под которым стоял стол с напитками и бумажными стаканчиками, был опрокинут. Украшавшие его надувные шары с динозаврами взмыли в воздух. Густым басом лаяла привязанная к дереву Леди – она не понимала, кто виновник беспокойства, и вертела мордой из стороны в сторону. Старшие Скидморы хлопотали вокруг бабушки, а тётя Мэри ругала их, что они всё неправильно делают.

Наконец Азалия приоткрыла глаза.

– Мама, дорогая, всё будет в порядке. Мы уже вызвали медпомощь, – взволнованно произнесла Пэм Скидмор.

– Ничего теперь не будет в порядке, – слабым голосом ответила Азалия, снова закрывая глаза. – Это возмездие.

¹⁰ Примула – растение, цветущее весной одним из первых; первоцвет, скороспелка.

Глава седьмая. Шлагбаум в комнате

– А где фокусники? – спросил Джордж у Питера в этой общей суматохе.

В саду их не оказалось.

– Смотри.

Питер показал на окно дома. Рыжий парик Августины был хорошо виден снизу: она ругалась с кем-то в комнате Джорджа.

– Как она посмела войти без разрешения? – возмутился Джордж. Мальчишки бросились на второй этаж.

– Отдай шкатулку! И не смей царапаться, предатель! – ещё поднимаясь по лестнице, услышали они. Потом из комнаты донеслись звуки борьбы. – Неблагодарное существо! – яростно вскрикивала фокусница. – Я посвятила тебе свою молодость! Эта шкатулка моя, она принадлежала моему отцу!

– Нет-нет! Это моё! Моё! – убеждал голос толстяка. – Я за это отвечаю.

– Да?! Я всегда догадывалась, что ты ценил её больше, чем меня, негодный! Забыл, что именно из-за неё умерла моя мать, а потом отец? Её надо разбить!

– Вместе от неё и избавимся! Где-нибудь подальше от этого дома. Мальчишка и так заставил меня понервничать!

– Открывай ворота! Ты обещал!

– Сейчас будут тебе ворота! Отдай шкатулку сначала.

– Я тебе больше не верю! Как только она окажется в твоих руках, ты опять бросишь меня! Что это ты вообще обратно засобирался?

– Ну... я давно хотел. Я и сам по дому тоскую, – уклончиво пробормотал Кот. – Надоело мороженщиком работать.

– Тфф, – сквозь зубы фыкнула Августина, изображая сарказм. – Я рада. Надеюсь, ты понял, каково мне пришлось одной в этом проклятом цирке. Подлый Кот!

Что-то тяжёлое упало на пол, раздался вопль: «Ох, прямо по ноге!» – и снова началась громкая возня.

Джордж с Питером в тревоге переглянулись и просунули головы в дверь комнаты. Они увидели, как мороженщик отпихивает от себя Августину, выставляет вперёд свой зонтирость, а она делает ему подсечки и использует приёмы каратэ. Но ей было сложно справиться с такой толстой тушей. На полу, почти под носом у мальчишек, валялись цирковой чемоданчик, шкатулка и камень из «Лавки Древностей».

С камнем тем временем происходили метаморфозы. Во-первых, отпечатки и узоры на нём начали двигаться, образуя надписи на непонятных языках. Промелькнула и фраза на английском, довольно бессмысленная, впрочем: «*Каждый фруктовый аромат*». Во-вторых, камень запульсировал красным и коричневым светом и превратился в фонарь, похожий на те, что горят у железнодорожных переездов.

– Августина, к чему нам ссориться в столь ответственный момент? – буквально взмолился толстяк. – Прости меня наконец за минутное безумие.

– Ничего себе минутное безумие длиной в два года, – опять захлопала острым носом фокусница. – Всё это время ты даже не пытался найти меня...

Августина вдруг замолчала. Джордж и Питер вытянули шеи – они увидели, как посреди комнаты появляется настоящий полосатый шлагбаум. Он был очень даже настоящий: в некоторых местах краска слезла, свернулась коротенькими завитушками, а в центре выделялась белая блямба – какая-то птица украсила, и на конце болтался красный фонарь.

– Ну, ну... успокойся, Августочка! – Толстяк приобнял фокусницу, деловито поглядывая на шлагбаум.

Откуда-то подул свежий ветер. Вместо обоев внезапно возникла зелёная дымка, которая быстро наполнилась шелестом веток, птичьими криками и запахом хвои. За шлагбаумом шумел летний лес. Неужели это волшебство творилось в комнате Джорджа?!

«Перемена, перемена!» – раздались отовсюду возбуждённые тонкие голоса. Кому они принадлежали, было непонятно.

Прозвенел звонок, фонарь замигал, шлагбаум начал медленно подниматься.

– Ура! – закричал толстяк. – Получилось! Я не растерял своей силы! Вперёд, Августина, пока Матильда ещё не напоила своего пятого цыплёнка!

Он едва не пританцовывал от нетерпения. Быстрым движением мороженщик сорвал фонарь, схватил с пола шкатулку, сунул вместе с зонтом подмышку, а другой рукой дёрнул фокусницу, увлекая её за шлагбаум.

– Не забудь сказать: «Ключ выброшен, ворота на замке», – крикнула ему Августина.

– Всенепременно! Я процедуру помню!

И толстяк забормотал что-то таким тоном, каким люди обычно говорят, уходя из дома: «Так, утюг я выключил, огонь на плите погасил...»

Парочка шагнула в лес, и вскоре они затерялись среди листвы.

На шлагбаум села прилетевшая из леса бабочка, обычная капустница: поиграла светлыми крылышками и упорхнула обратно. Мальчишки заворуженно глядели ей вслед.

– Короче, ты как хочешь, а я схожу посмотрю, что там, – сказал Питер и сделал несколько шагов.

– Подожди! Я с тобой! – воскликнул Джордж.

Друзья прошли немного вглубь леса. Потом ещё немного.

– Я с вами, стойте! – неожиданно раздался за их спинами голос Бренды.

– А ну вернись назад! – крикнул Джордж сестре.

Но девочка уже радостно подбежала к ним. Тотчас же она испуганно схватила брата за руку, потому что в лесу хрустнули сучки и закричала птица. Без сомнений, какой-то дикий зверь ломился сквозь чащу. Он подошёл поближе и остановился – дети заметили его яркие краски среди листвы. Зверь настороженно вытянул голову, украшенную красным гребнем и золотым клювом. Но он не был птицей!

– Чтоб мне провалиться, – прошептал Питер. – В жизни такого не видал.

Услышав этот шёпот, лесное чудо быстро развернулось: мелькнуло свиное копытце, крылья хлопнули по толстым бокам, и прозвучал встревоженный голос – словно расстроенная флейта заиграла. Снова шумнула листва, хрустнули сучья... Зверь исчез.

Дети побежали следом – им захотелось получше рассмотреть диковинное животное. Но вскоре они заблудились в лесу.

Если б не звон и пересвист взволнованных голосов, непонятно кому принадлежавших, они ни за что бы не нашли поляну со шлагбаумом. Но когда все трое выскочили на неё, голоса стихли. Чёрные и белые полосы шлагбаума растаяли в воздухе прямо на глазах детей. Теперь со всех сторон был только лес, полный птиц, бабочек и цветов.

Глава восьмая. Разбойники и фрау Кемпке

В приключениях должны быть загадки и неожиданности. Но в этот раз их набралось как-то слишком много.

– Хочу домой, – сразу сказала Брэнда.

– Все хотят, – заметил Джордж.

Она поняла, что теперь они не могут вернуться, и ещё больше испугалась. В глазах у девочки собрались слёзы, она крепче вцепилась в руку брата. Брэнда надеялась, что большие мальчики что-нибудь придумают. Но единственное, что они пока могли предложить ей – это брести куда глаза глядят и искать Кота и Августину.

– Я никуда не пойду, – упёрлась Брэнда.

Ей казалось, что полянка ближе к дому. Она верила, что шлагбаум может появиться здесь снова.

– Пойми, это теперь просто поляна, – убеждал сестру Джордж. – Мы на ней можем сто лет просидеть без толку. Пошли, где-то этот лес должен заканчиваться... Всё будет хорошо!

Он сам почти поверил в свои слова и повеселел. У Питера тоже улучшилось настроение. Засунув руки в карманы и посвистывая, он поддевал ногой шишки. Подобрал несколько штук, швырнул одну Джорджу в спину, другую – в голову, а третья шишка пролетела мимо, потому что приятель спрятался за деревом.

– Ага, вот ты как, – крикнул он Питеру, – получай!

И бросил шишку обратно, потом ещё одну. Зашагав дальше, они стали дурачиться.

– Джордж, тебя мучают внутренние проблемы, – тоном тёти Мэри говорил Питер и толкал друга. – Джордж, у тебя беспорядок в голове.

– Защищайся, негодник! – Джордж вставал в стойку каратиста и размахивал ногами.

Вскоре стали видны просветы между деревьями. За ними показалось поле и – в лёгкой дымке – большой зелёный холм. Недалеко от кромки леса тропинку перекрывал шлагбаум. Все трое бросились к нему.

Это в самом деле был шлагбаум – только не волшебный, а самый обыкновенный. Раньше здесь работала узкоколейная железная дорога, туда-сюда сновали вагончики. Теперь она оказалась заброшенной, между шпалами проросли разномастные сорняки, а местами даже кустарник.

Кое-где блестели лужицы застоявшейся воды со скользившими по ней жучками. На ржавом рельсе грелась ящерица, у неё было тихое убежище под одной из шпал. Джордж попробовал поднять шлагбаум, но тот так заржавел, что не сдвинулся с места.

Дети направились к холму. Среди неяркого разноцветья на нём выделялся высокий стебель дикого алтея¹¹, покрытый ярко-розовыми бутонами. Знакомый цветок! Когда-то Джордж верил, что в его лепестках живут гномы, а Брэнда делала из его цветков маленьких кукол с пышными юбочками. Но сейчас вид растения вызвал смутное беспокойство. Вдобавок показалось, что холм под их ногами как будто вздохнул.

Брэнда наклонилась к синеющей в траве головке:

– Бубенчик!

И тогда Джордж понял, что казалось ему неправильным. В апреле не бывает колокольчиков, они цветут в разгар лета – так же, как и алтей.

– Значит, мы точно не дома, – сказал он.

– Эй, смотрите! – Питер первым взбежал на вершину.

¹¹ Алтей – высокое травянистое растение семейства мальвовых.

Перед детьми, словно на ладони, раскинулся живописный городок. Он стоял на берегу реки – там, где она широко разливалась, готовясь впасть в море. Вдали угадывался замок с крепостными стенами и заросшим парком. Вокруг него теснились маленькие дома простых горожан. За красными кровлями возвышалась башня с часами.

– А вон дяденьки стоят. – Брэнда заметила в поле двух мужчин деревенского вида, которые запускали в небо голубя.

– Подойдём к ним? – предложил Питер.

Голубь тем временем набрал высоту, и мужчины, один высокий, другой низкий, наклонившись, послали ему вдогонку другую птицу. Очень крупную птицу... «Да это же ископаемый археоптерикс! – обомлел Джордж. – Они вымерли сто пятьдесят миллионов лет назад! Как же они могли сохраниться в этих местах?»

Полёт двух птиц сначала был похож на спортивные гонки. Но потом археоптерикс догнал голубя и сбил его своим мощным «клювом». Конечно же, Джордж знал, что челюсти доисторической птицы-рептилии не имеют рогового чехла, но внешне её пасть всё равно напоминала зубастый клюв.

Мужчины обрадовались, когда едва живой голубь упал к их ногам, и сразу запихнули его в клетку. За ним прилетел археоптерикс. Низкорослый человек поймал и его. Зажав хищника под мышкой, он сдёрнул с его клюва кожаный намордник и сунул археоптериксу кусок мяса. Тот одним махом проглотил угощение и ещё успел цапнуть хозяина, прежде чем снова был надет намордник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.